

26 февраля (11 марта)

Священномученик
Сергий (Воскресенский)

Священномученик Сергий родился 29 июля 1890 года в селе Дьякове* Московского уезда Московской губернии в семье священника Сергия Воскресенского и его супруги Евдокии Сергеевны. Священник Сергий был настоятелем Иоанно-Предтеченской церкви в селе Дьякове. При нем была сооружена церковная ограда, устроена мостовая от храма до моста через реку, построена церковноприходская школа, но открыть ее уже не успели: произошла революция и начались гонения на Русскую Православную Церковь. Сергей был крещен в день своего появления на свет священником храма Казанской иконы Божией Матери Симеоном Наумовым в присутствии диакона Василия Смирнова и псаломщика Иоанна Нарциссова.

В 1907 году Сергей поступил в Перервинское духовное училище, по его окончании – в Московскую Духовную семинарию. Окончив семинарию в 1915 году, он поступил учителем словесности в школу при женском Князе-Владимирском монастыре в Подольском уезде. Обитель была основана в 1890 году при селе Филимонках в живописном, возвышенном месте, среди густого елового леса. В 1916 году Сергей Сергеевич женился на девице Александре, дочери священника Николая Никольского, служившего в Подольске. В том же году Сергей Сергеевич был рукоположен во диакона и до 1920 года служил в монастыре. В 1920 году скончался его отец, и диакон Сергий был рукоположен во священника ко храму Иоанна Предтечи в селе Дьякове.

В 1918 году власти издали декрет «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений», который послужил поводом для закрытия многих храмов и, в частности, храмов в расположенных рядом селах Коломенское и Дьяково.

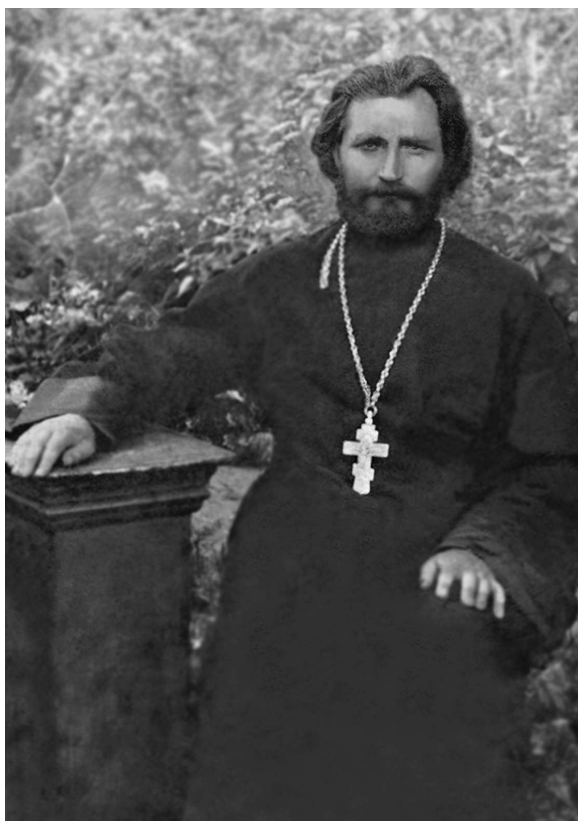
21 июня 1923 года комиссия под председательством Н.И. Троцкой и в составе П.Д. Барановского и Н.Ф. Левинсона составила акт о закрытии храма Иоанна Предтечи и передачи его музейному отделу Главнауки.

8 декабря 1923 года власти города Москвы постановили отнять храм Иоанна Предтечи у верующих: поскольку, как писали они, «здание церкви является исключительным памятником архитектуры XVI века и реставрируется на государственные средства, предложить Московскому уездному исполнительному комитету договор с общиной верующих расторгнуть и передать церковное здание отделу музеев и охраны памятников искусства и старины Народного Комиссариата по Просвещению»¹.

7 февраля 1924 года местные власти передали храм музейному отделу. 4 марта церковная община отправила властям ходатайство об открытии храма, в котором, в частности, говорилось: «Православный приход, объединенный нашим храмом, включает в себя четыре больших подмосковных селения: Дьяково, слободу Садовую, деревню Беляево и Чертаново... с населением тысяча девятьсот – две тысячи душ... среди нас нет не только неверующих, но даже маловерующих.

* Ныне село Коломенское в Москве.

Воспитанные на началах старого деревенского уклада жизни, мы привыкли всю нашу трудовую жизнь, во всех ее этапах, связывать с кругом жизни церковной, подчиняя первую последней, и до конца дней своих мы не изменим этим своим традициям»².

Священник Сергей Воскресенский

После закрытия храма Иоанна Предтечи отец Сергей перешел служить в храм Казанской иконы Божией Матери в селе Коломенском. В селе Коломенском действовал тогда еще второй храм во имя великомученика Георгия, но в начале апреля 1929 года администрация музея стала ходатайствовать о закрытии обоих храмов: «В Президиум Моссовета. При проведении культурно-просветительной работы по Музею архитектурных и бытовых памятников в селе Коломенском весьма существенным недочетом является наличие на территории музейной усадьбы двух действующих церквей.

Территория Коломенского привлекает ежегодно все возрастающее количество трудящихся и является одним из наиболее популярных мест массовой экскурсионной работы; помимо обычных пешеходных экскурсий по осмотру музея, здесь устраиваются парходные массовки с музыкой, физкультурой, купанием, организуются игры, танцы и т. п.

При этой постановке разумного отдыха трудящихся, основной целью которого ставится зарядка бодростью и жизнерадостностью, вклинивается большим диссонансом близость церквей с их обрядностью, колокольным звоном, крестными ходами. Особенно мешает в этом отношении Георгиевская церковь, расположенная на центральной площадке усадьбы посреди музейных сооружений.

Ввиду указанного, Главнаука просит о ликвидации отправления религиозного культа в двух церквях села Коломенского: Георгиевской и Казанской»³.

4 апреля верующие отправили властям заявление об оставлении хотя бы одной Казанской церкви. В результате 10 мая 1929 года Георгиевский храм был закрыт, а верующим оставлен храм Казанской иконы Божией Матери.

Церковный народ любил отца Сергия. Если надо было крестить или идти срочно причащать – он никому не отказывал. Крестьяне в Коломенском были вполне обеспечены, они держали большие сады и зарабатывали тем, что продавали ягоды и фрукты, которые возили на продажу на базар, находившийся тогда на Болотной площади в Москве неподалеку от Кремля. Чтобы прокормить семью, и отец Сергий вместе с крестьянами возил на базар малину, яблоки, вишню.

Однако для властей было ненавистным существование большого благочестивого села вблизи Москвы, крестьяне которого, несмотря на притеснения властей, жили самостоятельно и материально достаточно, и при усилении гонений они решили арестовать тех, кто не шел на сделки с совестью и не соглашался на сотрудничество с ОГПУ. Некоторые из сочувствующих священнику предупреждали его о начале широкомасштабных гонений на Церковь, в результате которых он может быть арестован, и предлагали ему уехать, но отец Сергий отказался.

В ночь с 15 на 16 марта 1932 года сотрудники ОГПУ арестовали священника. Тогда же было арестовано семь крестьян. Первое время их содержали в концентрационном лагере в селе Царицыне рядом с Москвой вместе с сотнями других арестованных. Отца Сергия и крестьян обвиняли в распространении антисоветских слухов, источником которых явился тринадцатилетний мальчик. Он рассказал, что ему однажды пришлось ехать на телеге на базу. Близ Перервы, у местечка, которое называется Иоанн Богослов, ему повстречался неизвестный старик, который попросил подвезти его до Перервы. Сев на телегу, он дорогой предложил мальчику оглянуться назад в сторону Москвы. Обернувшись, тот увидел: по дороге течет кровь, а над Москвой мчится конница. Старик предложил посмотреть в правую сторону. Там была группа работающих крестьян-единоличников. Он посмотрел налево. Здесь стояли колхозники, одетые в похотные на саваны желтые халаты, а впереди них шла толпа с музыкой. Оглянувшись кругом мальчик, а старика уже не было. Вызванный на допрос в ОГПУ, мальчик подтвердил все виденное. «Что это был за старик, я совершенно не знаю», – сказал он. «Кто тебя научил распускать подобные слухи?» – спросил следователь. «Никто меня не учил», – ответил подросток.

На следующий день после ареста священника уполномоченный ОГПУ по Московской области Шишкин написал: «Рассмотрев агентурное дело “Теплая компания” антисоветской группировки селения Дьяково, по которому проходит кулацко-зажиточный элемент... который под руководством попа Воскресенского на протяжении 1931 года и последующего времени ведет антисоветскую работу, направленную к срыву мероприятий партии и советской власти в деревне; принимая во внимание, что для ареста и привлечения их к ответственности имеется достаточно материала, постановил: агентурное дело “Теплая компания” ликвидировать путем ареста проходящих по нему граждан»⁴.

Допрошенные свидетели показали, что священник «среди верующих говорил, что придет время, когда народ будут хоронить без отпевания, старые

попы умирают, а новых не учат, и проповедовать слово Божие некому. Скоро и у нас под Москвой устроят голодную степь, всех лучших крестьян советская власть раскулачивает, арестовывает, ссылает, работать некому. А за что угоняют? Лишь за то, что они не хотят идти в колхоз. Весь этот гордиев узел, который завязали большевики, может разрубить лишь война. Взяли меня, спрашивали в ОГПУ о моем хозяйстве, могут сказать, что я вел агитацию против советской власти и колхозов. Мне, как священнику, часто приходится ходить с требоми как к колхозникам, так и к единоличникам. Конечно, они спрашивают меня: “Как, отец Сергей, ты мыслишь насчет колхозов – вступать или нет?” Что же мне остается отвечать? Конечно, я отвечал так, как представлял себе, и говорил: “Колхоз, как видите вы и я, ничего хорошего не принесет, сейчас мужика согнули в бараний рог, а когда пройдет сплошная коллективизация, то тогда совсем пропало дело”. Ну разве это агитация? Я только высказывал свое мнение». «Поп Сергей Сергеевич Воскресенский родился и вырос в селении Дьяково, где его отец также был попом. Среди верующих пользуется авторитетом. Воскресенский говорил: “Советская власть – это красные помещики, которые притесняют трудовое крестьянство, разоряют и закрывают храмы. Но мы должны со своей стороны не примиряться с этими гонениями, а действовать, как первые христиане”. Воскресенский часто говорил проповеди, в которых призывал крестьян крепиться, говоря: “Наступило тяжелое время для верующих, всюду на нас гонение, нам нужно крепко держаться за Церковь. Наступило последнее время, но Церковь останется непобедимой”. Будучи у меня в доме и увидев у меня разукрашенные портреты Ленина и членов реввоенсовета, выйдя из дома, смеялся надо мной, говоря: “Вместо икон портреты стала украшать”»⁵.

Среди других свидетелей был вызван священник Казанской церкви в селе Коломенском Николай Константинович Покровский. «Сергея Сергеевича Воскресенского, – показал он, – знаю с детского возраста. В своей работе мне часто приходилось с ним соприкасаться. Последний, будучи священнослужителем, использовал свое положение для антисоветской работы, обрабатывая в этом направлении и верующих, подбирая из их среды группу единомышленников и через них проводя дальнейшую работу. Воскресенский антисоветскую работу проводил также и при исполнении треб. Так, например, осенью прошлого года я, Воскресенский и крестьянин села Чертаново, который вез нас на похороны, сказал нам: “Смотрите, отец Сергей, было пустое место, а сейчас большое строительство”. На что Воскресенский ответил: “Нет ничего удивительного – работы в Советском Союзе производятся принудительным трудом из-под палки, полуголодным народом”. В момент изоляции кулачества Воскресенский в присутствии верующих, фамилии которых я забыл, говорил: “Получил я письмо от наших узников. Пишут они, что живут плохо, в землянках. Все их имущество пропало в дороге, получили лишь свои топоры и лопаты, а ценности правители взяли себе. Не удалось здесь обобрать – так сделали, что в дороге обобрали до последней рубашки”. Осенью 1931 года при подведении итогов хозяйственного года была устроена выставка работы колхозов. Я, проходя по селу Коломенскому с Воскресенским, попросил у него посмотреть выставку, на что последний ответил: “Что там смотреть? Если бы это была собственность крестьян, тогда другое дело, а то все колхозное, а у крестьянина осталась одна голова собственная и та скоро с плеч долой полетит”»⁶.

20 марта следователь Шишкин допросил отца Сергия. На вопросы следователя священник ответил: «Я и другие арестованные со мной колхозники

вели разговор о высланных кулаках, о их семьях, оставленных в районе, о их материальном обеспечении, моральном состоянии. Я до своего ареста в селении Дьякове, служил в Казанской церкви. Сельсовет Дьякова в 1929 году произвел изъятие у меня части имущества – стульев, столов, шкафов и так далее. Часть из них мне была возвращена, часть не возвратили. Я облагался в индивидуальном порядке налогом. По ягодам мне было дано твердое задание, часть моего дома сельсовет использовал под жительство рабочих овощного комбината, вынудив мою семью проживать в тесноте. При реализации займа мне было предложено подписаться на заем в 200 рублей, я предложил 50. В результате я на заем не подписался. Все это вызывало во мне недовольство советской властью и ее представителями на местах – сельсоветом. Сдавая ягоды советской власти по твердым ценам, я был лишен возможности получить за сданную продукцию хлеб и промтовары, так как продукты питания приходилось покупать на рынке, платя за них по рыночным ценам. Поселив в моем доме рабочих, принудили меня с семьей ютиться на площади, не удовлетворяющей мою семью. Но, несмотря на все это, я со своей стороны имеющееся у меня недовольство окружающим не передавал и агитацией не занимался. Виновным себя в предъявленном мне обвинении не признаю»⁷.

26 марта 1932 года следствие было закончено. В обвинительном заключении следователь написал: «Село Дьяково в прошлом, как до, так и после революции, являлось кулацким селом, имевшим прямые связи в торговой деятельности с московскими рынками. Это село в прошлом выбрасывало на московские рынки огромное количество овощной и ягодной продукции, и вместе с этим зажиточная часть этого села занималась скупкой товаров в окружающих селениях района, а также завозом из других районов для переработки и последующей реализации на московских рынках.

В период проведения мероприятий партии и советской власти в части колхозного строительства деревни село Дьяково под влиянием кулацко-зажиточной прослойки села оказалось в стороне от колхозной жизни, за исключением некоторой бедняцко-батрацкой части села, которая к организации колхоза приступила в конце 1929 года, организовав колхоз из нескольких хозяйств. В последующее время колхоз разрастался за счет бедняцко-средняцких масс и кулачества, и уже в 1930 году село Дьяково было коллективизировано на 90%. Однако в него с целью разложения и скрытия своей кулацкой физиономии вошли в подавляющем большинстве элементы кулачества.

В результате полной засоренности дьяковского колхоза кулацко-зажиточным элементом, благодаря антиколхозной деятельности его, разложения, явного срыва колхозных мероприятий колхоз распался, и в нем оказалось только 17 бедняцко-средняцких хозяйств (из числа имевшихся 186 хозяйств).

В период перевыборов сельсоветов в 1931 году село Дьяково подвергалось неоднократному переизбранию совета, вследствие того, что кулацко-зажиточный элемент всячески старался ввести и поставить у руководства “своих людей”, внося дезорганизацию в систему перевыборов, наряду с этим усиленно выступая против кандидатур бедняков-колхозников и коммунистов.

В данное время село коллективизировано на 24%. Планы заготовок селом не выполнены. По поступившим в Ленинское райотделение сведениям, группа из кулацко-зажиточного элемента под руководством местного попа Воскресенского

вела антисоветскую агитацию, направленную к срыву мероприятий партии и советской власти, с использованием религиозных предрассудков масс.

Руководитель антисоветской группировки обвиняемый Воскресенский, являясь служителем культа и будучи авторитетным среди верующих, обходя их, внушал им, что организация колхозов убьет религию и религиозные чувства верующих.

Как один из методов борьбы с мероприятиями советской власти в деревне обвиняемые по делу с целью дискредитации советской власти распространяли слухи о гибели советской власти и нелепые провокационные слухи о том, что один из колхозников села Дьякова якобы видел видение, заключающееся в том, что он при возвращении из Москвы в село на дороге встретил старца, который предложил ему посмотреть назад, в правую и левую стороны, и когда он посмотрел, то сзади увидел армию и кровь, слева – замученных и оборванных колхозников, а справа – единоличников в хороших костюмах, сытых и жизнерадостных»⁸.

6 апреля обвиняемых перевезли в Бутырскую тюрьму в Москве. 4 августа 1932 года тройка ОГПУ приговорила отца Сергия к трем годам заключения в исправительно-трудовом лагере. Он был заключен в лагерь на Беломорско-Балтийском канале вблизи станции Медвежья Гора⁹. В начале марта следующего года отца Сергия посадили в камеру с уголовниками. Они сняли с него полушубок, затем остальную одежду и выставили на мороз, который в то время был весьма жесток. Не перенеся издевательств, священник Сергей Воскресенский скончался 11 марта 1933 года и был погребен в неизвестной могиле.

«Жития новомучеников и исповедников Российских XX века.
Составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Февраль».
Тверь. 2005. С. 428-436

Библиография

Из истории музея Коломенское. М., 1998.

Православные монастыри России. Краткий справочник. Новосибирск, 2000.

Игумен Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Книга 7. Тверь, 2002. С. 65-75.

Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии. Январь-Май. Тверь, 2002. / Составитель жития игумен Дамаскин (Орловский). С. 156-163.

Протокол № 253 заседания Президиума Московского Совета РК и КД от 8 декабря 1923 года. М., тип. им. М.Н. Рогова.

ЦГАМО. Ф. 66, оп. 11, д. 519; Ф. 2157, оп. 1, д. 23.

РГИА. Ф. 831, д. 189.

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-76357, т. 1, т. 2.

Примечания

¹ Протокол № 253 заседания Президиума Московского Совета РК и КД от 8 декабря 1923 года. М., тип. им. М.Н. Рогова.

² ЦГАМО. Ф. 66, оп. 11, д. 519, л. 9-10.

³ Там же. Ф. 2157, оп. 1, д. 23, л. 196.

⁴ ГАРФ. Ф. 10035, д. П-76357, т. 1, л. 1.

⁵ Там же. Л. 31.

⁶ Там же. Л. 82-83.

⁷ Там же. Л. 90-91.

⁸ Там же. Л. 154-155, 159-160.

⁹ Там же. Т. 2, л. 311, 346.